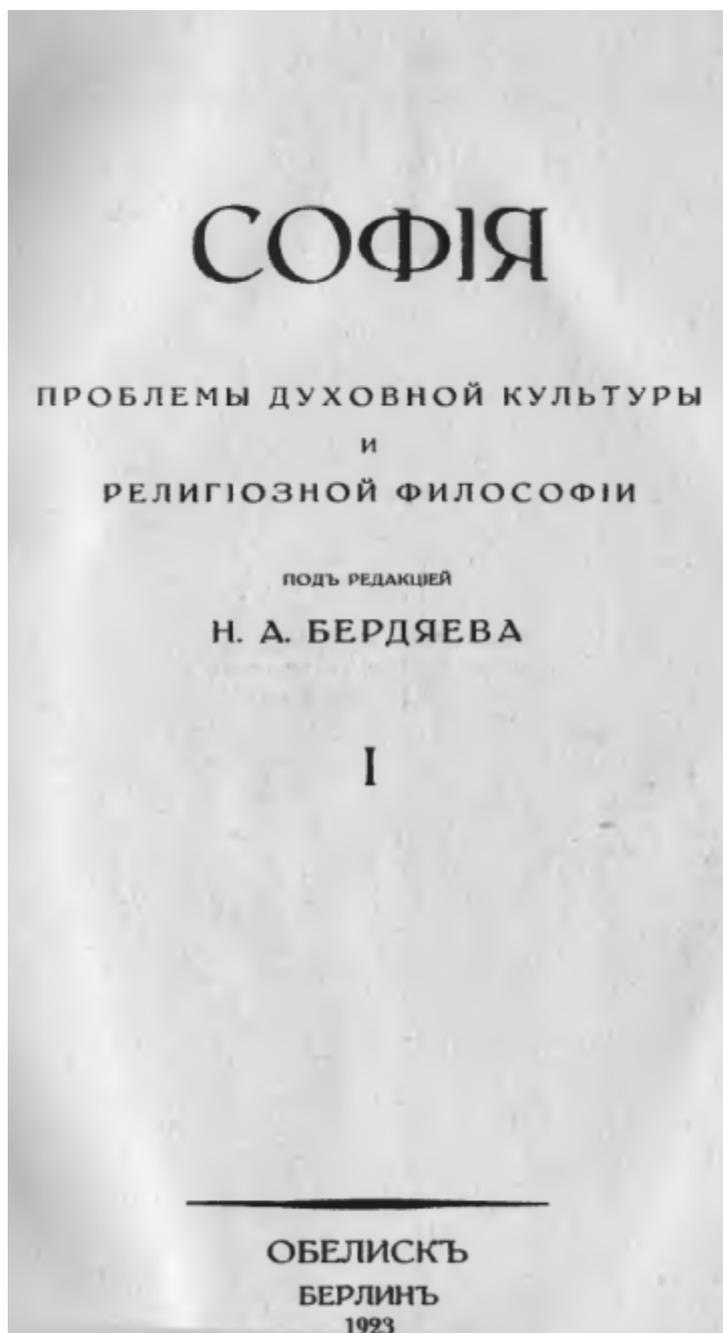

Новгородцев П.И. Демократия на распутье

Разбивка страниц настоящей электронной статьи соответствует оригиналу.

СОФИЯ
ПРОБЛЕМЫ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ
И
РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ

под РЕДАКЦИЕЙ

Н. А. БЕРДЯЕВА

I

ОБЕЛИСК

БЕРЛИН

1923

П. Новгородцев

ДЕМОКРАТИЯ НА РАСПУТЬЕ

Со времен Токвилля¹⁾ в политической литературе неоднократно высказывалась мысль, что развитие государственных форм с неизменной и неотвратимой закономерностью приводит к демократии. Признанные и влиятельные политические писатели, как Прево-Парадоль²⁾ и Э. Шерер³⁾, подобно Токвиллю, содействовали утверждению этой мысли в общем сознании. И их мнения представлялись тем более значительными, что они отнюдь не вытекали из пламенного поклонения пред демократической идеей. Демократия представлялась им естественным и неизбежным фактом, который непременно наступит, все равно, «боятся ли его или желают его» (как выражался Шерер). С чисто английской осторожностью в деле установления общих выводов Генри Арен⁴⁾ пытался поколебать эту точку зрения, как одно из тех огульных политических обобщений, которые «почти все происходят из Франции». Тем не менее это французское мнение проникло и в Англию, и в наши дни на основании более широкого круга наблюдений его повторяют новейшие английские исследователи Гирншоу⁵⁾ и Брайс⁶⁾.

Но когда сейчас мы ищем некоторого общего положения, которое передавало бы самые важные и яркие впечатления, связанные с демократической формой, то таким положением никак нельзя будет признать старое предсказание Токвилля. С тех пор как в целом ряде стран демократия стала практической действительностью, она сделалась и в то же время предметом ожесточенной критики. И если прежде самым характерным обобщением политической науки были мысль о грядущем торжестве

демократии, теперь таким обобщение« и надо признать утверждение о неясности ее будущего. Пока демократии ждали, о ней говорили, что она непременно наступит; когда же она наступила, о ней говорят, что она может и исчезнуть. Прежде ее нередко считали высшей и конечной формой, обеспечивающей прочное и благополучное существование; теперь ясно ощущают, что отнюдь не создавая твердого равновесия жизни, она более чем какая-либо другая форма возбуждает дух исканий. В странах, испытавших эту фор-

1) De Tocqueville, *De la Démocratie en Amérique*. 1825—1842.

2) Prevost-Paradol. *La France Nouvelle*. 1868.

3) E. Schérer, *La Démocratie et la France*. 1885.

4) Sir H. S. Araine, *Populär Gouvernement*. 1885.

5) Hearnshaw, *Democracy at the Crossways*. 1919.

6) Bryce, *Moderne Democracies*. I-II V. 1921.

93

му на практике, она давно уже перестала быть предметом страха; но она перестала здесь быть и предметом поклонения. Те, кто ее отвергает, видят, что в ней все же можно жить и действовать; те, кто ее ценит, знают что, как всякое земное установление, она имеет слишком много недостатков для того, чтобы ее можно было безмерно превозносить.

В сущности только теперь новая политическая мысль достигает настоящего понимания существа демократии. Но достигая его, она видит, что демократический строй привел не к ясному и прямому пути, а к распутью, что, вместо того, чтобы быть разрешением задачи, демократия сама оказалась задачей. Более спокойные наблюдатели полагают, что прямой путь все же не утерян; более пылкие говорят, что выхода нет, что наступил трагический час.

Таковы мысли и впечатления современного политического сознания, которые я хочу здесь разъяснить. Но прежде всего мне надо установить, что мы будем разуметь под демократией и о какой демократии мы будем говорить. Сделать это тем более необходимо, что это понятие принадлежит к

числу наиболее многочисленных и неясных понятий современной политической теории. Это одно из самых распространенных обыкновений нашего времени, в иных случаях являющееся простительной слабостью, — в вопросах политики непременно становится под знамя демократии. Как справедливо замечает один из самых талантливых государствоведов наших дней Кельзен, в XIX и XX столетиях слово демократия является почти повсюду господствующим лозунгом, и неудивительно, если оно, как всякий такой лозунг, утратило определенное и твердое содержание. Следуя требованию моды, его считали нужным употреблять по всем возможным поводам и для всех возможных целей, так что оно стало покрывать собою самые различные и часто совершенно противоречащие друг другу понятия

1). Любой представитель социализма, отделяющий себя от коммунистической партии, скажет сейчас, что диктатура пролетариата, осуществленная в России, есть полное отрицание демократических начал. Между тем сами представители русского коммунизма с такой же уверенностью заявляют, что они-то как раз и осуществляют в жизни настоящую реальную демократию, тогда как их противники стоят на точке зрения формальной и призрачной демократии. Каутский и Троцкий, два года назад столкнувшиеся в горячем обмене взаимных обвинений, оба упрекали друг друга в неверности демократии. Такого же рода взаимные упреки слышатся и нередко в других случаях, причем в этих спорах в понятие демократии большей частью вкладывается совершенно различное содержание.

Итак, что же такое демократия? Когда древние писатели и притом самые великие из них, — Платон и Аристотель, отвечали на этот вопрос, они имели в виду, прежде всего демократию, как форму правления. Они различали формы правления в зависимости от того, правит ли один, немногие или весь народ, и устанавливали три

1) Kelsen, Vom Wesen und Wort der Demokratie. Tübingen 1920, S. 3.

основных формы, — монархию, аристократию и демократию. Но и Платон и Аристотель каждую форму правления связывали с известной формой общественной жизни, с некоторыми более глубокими условиями

общественного развития. Оба они имели пред собой богатый опыт развития и смены политических форм, и оба видели, что если есть в государстве какая-то внутренняя сила, которою оно держится, несмотря на всяческие бедствия, то формы его меняются. Каждая из этих форм может быть хуже или лучше, в зависимости от того, следуют ли они по пути закона или отступают от него, имеют ли они в виду общее благо или собственные интересы правителей 1). Но все эти формы подвижны, изменчивы; ни одна не является прочной: в частности демократия подлжит тому же закону изменений. В страстном и суровом изображении Платона эта изменчивость демократии превращается в болезненное лихорадочное горение: с виду это лучшее из правлений, все становятся здесь свободными, всякий получает возможность жить, как хочет, и устраивать свою жизнь, как ему нравится; но именно вследствие того, что в жизни людей тут нет ничего твердого, никакого плана и порядка, никакой необходимости, все здесь приходит в расстройство. Изменчивость и подвижность демократии отмечает и Аристотель. В согласии с Руссо, наиболее прочным он считает демократический строй у народов, живущих жизнью простой и близкой к природе. Другие виды демократии кажутся ему более подверженными изменениям, причем самым худшим видом он считает тот, в котором под видом господства народа правит кучка демагогов, в котором нет твердых законов, а есть постоянно меняющиеся предписания, в котором судебные места превращаются в издевательство над правосудием.

Новая политическая мысль внесла значительные осложнения в простоту греческих определений. Древний мир знал только непосредственную демократию, в которой народ сам правит государством чрез общее народное собрание. Понятие демократии совпадало здесь с понятием демократической формы правления, с понятием непосредственного народоправства. Из новых писателей это греческое словоупотребление воспроизводит Руссо: и для него демократия есть форма правления, в которой народ непосредственно не только законодательствует, но и управляет. Но с другой стороны, именно Руссо дал основание теоретическое для того, более широкого понимания демократии, которое утвердилось в XIX и XX столетиях. Поскольку он допускал, что с верховенством народа совместимы различные формы правительственной власти — и демократическая, и аристократическая и монархическая,—он открыл теоретическую возможность для нового понимания демократия, как формы государства, в котором верховная власть принадлежит народу, а формы правления могут быть разные. Сам Руссо считал демократию возможной только в виде непосредственного народоправства, соединяющего

1) Это признает и Платон при более спокойном рассмотрении предмета в диалоге: «Политик».

95

законодательство с исполнением. Те формы государства, в которых народ оставляет за собой только верховную законодательную власть, а исполнение передает монарху или коллегии немногих, он признавал законными с точки зрения народного суверенитета, но не называл их демократическими. При этом он вообще и ни в каких правовых формах не допускал представительства. В отличие от Руссо позднейшая теория распространила понятие демократии на все формы государства, в котором народу принадлежит верховенство в установлении власти и контроль над нею. При этом допускается, что свою верховную власть, свою «общую волю», чтобы употребить термин Руссо, народ может проявлять как непосредственно, так и через представителей. В соответствии с этим демократия определяется прежде всего, как форма государства, в которой верховенство принадлежит общей воле народа. Это есть самоуправление народа, или, следуя недавнему определению Брайса, правление не одного какого-либо класса, а всех классов вместе, всей массы народа в совокупности. Демократической идее одинаково противоречит всякое классовое господство, всякое поставление одних классов над другими, все равно какие бы это классы ни были, высшие или низшие. Классовая демократическая теория, какую ее пытались сделать социалисты, есть *contradictio in adjecto*.

На основании этих определений монархическая Англия считается современной теорией не менее, а в некоторых отношениях и более демократией, чем республиканская Франция. Равным образом и ряд других монархических стран, как Италия, Норвегия, Швеция, Дания, Бельгия, Голландия, причисляются к демократиям, в то время как республики центральной Америки не считаются демократиями 1).

В этом смысле новая теория пришла к гораздо более сложному представлению о демократии, чем то, которое встречается в древности. Но в другом отношении она не только подтвердила, но и закрепила греческое понимание существа демократии. Выдвинув в качестве общего идеала государственного развития идеал правового государства, новая теория

рассматривает и демократию как одну из форм правового государства. А так как с идеей правового государства, как она развивается в новое время, неразрывно соединяется представление не только об основах власти, но и о правах граждан, о правах свободы, то издревле идущее определение демократии, как формы свободной жизни, связывается здесь органически с самым существом демократии, как формы правового государства.

С этой точки зрения демократия означает возможно полную свободу личности, свободу ее исканий, свободу состязания мнений и систем. Если Платон существо демократии усматривал в том, что всякий получает здесь возможность жить, как хочет и устраивать свою жизнь, как ему нравится, то это древнее определение как нельзя лучше подходит и к современному пониманию демократии. И в современном смысле слова идея демократии соответствует возможно полное и сво-

1) Bryce, *Modern Democracies*, v, I. p. 26.

96

бодное проявление жизненных сил, живая игра этих сил, простор для различных возможностей, открытость и широта для всяких направлений и проявлений творчества. И хотя практически демократия представляет собой управление большинства, но, по меткому определению Рузвельта, лучшим свидетельством любви к свободе является то положение, в какое ставятся группы, находящиеся в меньшинстве. Ибо каждый человек, как говорит он, «должен иметь одинаковую с другими возможность проявить свою сущность».

Упомянутый уже мною немецкий ученый Кельзен нашел для этой системы отношений удачное новое обозначение, назвав ее с и с т е м о й политического релятивизма. Это значит вот что: если система политического абсолютизма представляет неограниченное господство какого-либо одного политического порядка, и иногда и какой-либо одной совокупности верований и воззрений, с принципиальным отрицанием и запрещением всех прочих, то система политического релятивизма не знает в общественной жизни никакого абсолютного порядка и никаких абсолютных верований и воззрений. Все политические мнения и направления для нее

относительны, каждое имеет право на внимание и уважение. Релятивизм есть то мировоззрение, которое предполагается демократической идеей. Поэтому она и открывает для каждого убеждения возможность проявлять себя и в свободном состязании с другими убеждениями утверждать свое значение 1). Демократическая идея требует свободы для всех и без всяких исключений и с теми лишь ограничениями, которые вытекают из условий общения.

Современные теоретики демократии называют ее также свободным правлением, *freegovernment*. Это показывает в какой мере понятие свободы неразрывно сочетается с представлением о демократической форме государства и как бы исчерпывает это понятие. Однако, мы упустили бы один из самых существенных признаков демократической идеи, если бы не упомянули о свойственном демократии стремлении к равенству. Еще Токвилль отмечал, что демократия более стремится к равенству, чем к свободе. «Я думаю, — пишет он, в своей знаменитой книге «О демократии в Америке», — что демократические народы имеют естественный вкус к свободе; предоставленные самим себе они ищут ее, они любят ее и с горечью видят, как их от нее удаляют. Но к равенству они имеют страсть горячую, ненасытную, вечную, непобедимую, они хотят равенства в свободе, и если не могут ее получить, они хотят его также и в рабстве. Они перенесут бедность, порабощение, варварство, но они не перенесут аристократии 2). Эти слова были написаны свыше восьмидесяти лет тому назад, и сейчас Брайс подтверждает, что с тех пор не случилось ничего такого, что могло бы опровергнуть мнение Токвилля: и теперь приходится признать, что любовь к равенству в демократических странах сильнее любви к свободе 3).

1) Kelsen, *Vom Wesen und Wort der Demokratie*, Tübingen, 1920.

2) Tocqueville, *De la Démocratie en Amérique*, T. II. 2 partie, ch. I

3) Bryce, *Modern Democracies* v. I p. 77.

С точки зрения моральной и политической между равенством и свободой существует наибольшее соотношение. Мы требуем для человека свободы во имя безусловного значения человеческой личности, и так как в каждом человеке мы должны признать нравственную сущность, мы требуем

в отношении ко всем людям равенства. Демократия ставит своей целью осуществить не только свободу, но и равенство; и в этом стремлении ко всеобщему уравниванию не менее проявляется сущность демократической идеи, чем в стремлении ко всеобщему освобождению. Идея общей воли народа, как основы государства, в демократической теории неразрывно связывается с этими началами равенства и свободы, и не может быть от них отделена. Участие всего народа, во всей совокупности его элементов, в образовании общей воли вытекает столько же из идеи равенства, сколько из идеи свободы.

Я исчерпал основные определения демократии, поскольку они необходимы мне для дальнейшего изложения. Я хочу пояснить теперь эти определения со стороны отрицательной, показав, чем не может быть демократия, сколько бы она на это ни притязала.

Первые провозвестники демократической идеи соединяли с своей проповедью чисто религиозное воодушевление. Для них демократия 'была своего рода религией. Следы этого политического фетишизма встречаются иногда и в воззрениях наших дней: за неимением другой веры, возлагают все надежды на демократию, как на всемогущую и всеисцеляющую силу, и на нее переносят весь жар сердца, весь пламень энтузиазма. В связи с этим стоит и упомянутое уже в начале убеждение, будто бы демократия есть некоторая высшая и конечная форма, в которой политическое развитие достигает своей предельной точки.

Современная политическая теория откидывает эти взгляды, как наивные и поверхностные, и противопоставляет им целый ряд наблюдений и выводов, снимающих с демократии ореол чудесного, сверхъестественного и вводящих ее в ряд естественных политических явлений, в ряд других политических форм. И прежде всего эта теория указывает на чрезвычайную трудность осуществления демократической идеи и на величайшую легкость ее искажений. Припомним, что еще такой великий и прославленный носитель демократической идеи, как Руссо, именно потому, что он горячо любил демократию истинную, находил, что она может быть осуществлена лишь при особо счастливых и исключительных условиях. «Если брать понятие демократии во всей строгости его значения — говорил Руссо — то истинной демократии никогда не было и не будет. Демократия, собственно говоря, приходится богам, а не людям» 1). И замечательно, что Брайс, новейший исследователь демократических форм, обладающий громадными познаниями из области их практического применения, на основании всего, что он знает, повторяет слова Руссо: «если

брать понятие демократии во всей строгости его значения, то истинной демократии никогда не было и не будет» 1).

Эти авторитетные суждения величайшего апостола демократии, каким был Руссо, и величайшего ее знатока, катим является Брайс, вполне подтверждают и ярко подчеркивают те выводы о демократии, к которым приводит и исторический опыт, и политическая наука. Наивная и незрелая политическая мысль обыкновенно полагает, что стоит только свергнуть старый порядок и провозгласить свободу жизни, всеобщее избирательное право и учредительную власть народа. и демократия осуществится сама собой. Нередко думают, что провозглашение всяческих свобод и всеобщего избирательного права имеет само по себе некоторую чудесную силу направлять жизнь на новые пути. На самом деле, то, что в таких случаях водворяется в жизни, обычно оказывается не демократией, а, смотря по обороту событий, или олигархией, или анархией, причем в случае наступления анархии, ближайшим этапом политического развития бывают самые сильные суровые формы демагогического деспотизма.

Мысль о том, что с разрушением старых устоев тотчас же водворяется истинная свобода, принадлежит анархической, а не демократической теории. Отсюда она проникла вразличного рода народнические учения. В противоположность этому анархическому взгляду, современные исследователи демократии единодушно признают, что, как более поздняя и сложная форма политического развития, она требует и большей зрелости народа. По существу своему, как мы сказали, демократия есть самоуправление народа; но для того, чтобы это самоуправление не было пустой фикцией, надо, чтобы народ выработал свои формы организации. Это должен быть народ, созревший для управления самим собою, сознающий свои права и уважающий чужие, понимающий свои обязанности и способный к самоограничению. Таки и высота политического сознания никогда не дается сразу, она приобретает долгим и суровым опытом жизни. И чем сложнее и выше задачи, которые ставятся пред государством, тем более требуется для этого политическая зрелость народа, содействие лучших сторон человеческой природы и напряжения всех нравственных сил.

Но эти же условия осуществления демократии вытекают и из другого ее определения, как системы свободы, как политического релятивизма. Если демократия открывает широкий простор свободной игре сил, проявляющихся в обществе, то необходимо, чтобы эти силы подчиняли себя некоторому высшему обязывающему их началу. Свобода, отрицающая начала общей связи и солидарности всех членом общения, приходит к самоуничтожению и к разрушению основ государственной жизни.

Наконец, те же требования известной высоты нравственного сознания народа вытекают и из свойственного демократии стремления к равенству. Подобно страсти к свободе, и страсть к равенству, если

1) Bruce, Modern Democracies. London. 1991. vII, p. 600.

99

она приобретает характер слепого стихийного движения, превращается в «фурию разрушения». Только подчиняя себя высшим началам, и равенство, и свобода становятся созидательными и плодотворными основами общего развития.

Вот почему сторонники демократии на всех языках и в самых разнообразных вариантах повторяют одну и ту же мысль: демократия невозможна без воспитания народа, без поднятия его нравственного уровня 1). И не следует ли признать знаменательным, что именно у английских писателей, которые в прошлом своей страны имеют пример особенно закономерного и последовательного развития демократического строя, повторяется сейчас старая мысль Лавеле о значении для демократии глубокого религиозного чувства 2). Неудивительно, если у тех же сторонников демократии мы находим решительно выраженное утверждение, что «истинной демократии еще нет», что демократия все еще остается задачей, подлежащей осуществлению, «проблемой будущего», что современные демократии нуждаются в глубочайшей реформе для того, чтобы выйти на «прямой путь».

Степень отдаленности современных демократий от демократического идеала познается в особенности в одном очень существенном пункте, а именно в вопросе о фактическом осуществлении народовластия. Руссо,

конечно, был прав, когда с понятием истинной демократии он соединял живое и непосредственное участие всего народа не только в законодательстве, но и в управлении, когда он утверждал, что система представительства есть отступление от народовластия в строгом смысле этого слова. Но в то же время он прекрасно понимал, насколько трудно провести в жизнь подлинную демократическую идею; ибо, как говорил он, «противно естественному порядку, чтобы большинство управляло, а меньшинство было управляемо». И действительно, в демократиях с естественной необходимостью над общей массой народа всегда выдвигаются немногие, руководящее меньшинство, вожди, направляющие общую политическую жизнь. Это давно замеченное и притом совершенно естественное явление, что демократия практически всегда переходит в олигархию, в правление немногих. Новейшее исследование Брайса дало убедительнейшие подтверждения этому старому наблюдению.

Некоторые из современных теоретиков демократии, преклоняясь перед незыблемостью этого наблюдения и соглашаясь с тем, что в демократиях, как и во всех других политических формах, определяющее значение принадлежит не массам, а вождям, отстаивают превосходство демократической системы с той точки зрения, что тут

1) См. напр. из новых писателей: Gustav Steffen, *Das Problem der Demokratie*, Jena 1912, SS-97, 110, 113. Gradnauer, *Sicherung und Ausbau der Demokratie* в сборнике: *Das Programm der Sozialdemokratie*, Berlin, 1920, S. 75. Guy Grand, *La Démocratie et l'après-guerre*, Paris, 1922, p. 265. Hearnshaw, *Democracy at the crossways*, London, 1919, §69. Bryce, *Modern Democracies*, London, 1921, v. I. ch. VIII.

2) Hearnshaw, p. 397—398. Ср. Bryce, v.I, ch. IX.

100

лучше всего совершается качественный отбор вождей 1). Иногда этой мысли придают и такой более решительный оборот, что «без при существе массам высокого почитания «аристократических» типов людей и высших культурных ценностей демократия немислима, что «глубоко коренящийся аристократизм является солью жизнеспособного демократизма» 2). Пусть будет так, пусть действительно демократии обладает этим свойством лучшего отбора вождей, — хотя, конечно, этому утверждению нельзя придавать безусловного значения, пусть демократизм практически допускает

сочетание с аристократизмом, но все это находится, несомненно, в противоречии с чистотой демократической идеи, которая состоит не в отборе лучших вождей, а в освобождении от всяких вождей, в умении всех и каждого руки водить самим собою 3). Но если существо демократической идеи действительно таково, то признать неизбежность факта олигархического руководства массами и необходимость аристократической соли для жизнеспособности демократий, — это значит повторить старое утверждение Руссо, что истинная демократия более пригодна для богов чем для людей.

Так или иначе, но это факт, что лучшими формами демократии и сейчас, согласно Аристотелю и Руссо, приходится признавать простейшие по своему социальному составу страны, какими являются Швейцария и Оранжевая Республика до 1895 года, до Южно-Африканской войны 4). Здесь между массами и вождем было всего больше близости. На второе место следует поставить демократии, где вожди сохраняют живую связь с народом и находятся под более или менее действительным его контролем. Таковы прежде всего англо-саксонские демократии. Однако в отношении к Соед. Штатам и Канаде приходится сделать оговорку о могущественном значении здесь денег, о силе плутократии 5). Еще громче и тревожнее звучат эти жалобы во Франции, где, по словам Гюи Грана, «власть денег портит все», где «нет организованной духовной силы, способной нанести этой власти удар» 6). Брайс подтверждает, что и вообще говоря, «демократия и имеет более настойчивого и более коварного врага, чем власть денег» 7). И неудивительно, если скорее остроумный, чем основательный критик демократии Шпенглер делает вывод, что «при посредстве денег демократия уничтожает самое себя» 8).

Мы не будем здесь говорить о тех демократиях, которые, присваивая себе иногда это наименование, по существу являются самыми настоящими олигархиями. Таковы латинские республики Центральной

1) Kelsen, *Vom Wesen und Wert der Demokratie*, S. 29.

2) Steffen, *Das Problem der Demokratie* S. 101.

3) Это должен признать Kelsen, *ibid* S. 29. Cp. *Sozial-Idealismus*. Berlin, 1920, S. 252.

4) Bryce, *Modern Democracies*, v. II, p. 541.

5) Bryce, *ibid*.

6) Guy Grand, *о. с.* pp. 273—274.

7) Bryce, o, c. V. II. p. 533.

8) Spengler, Der Untergang des Abendlandes. München, 1922. Bd. II, S. 682.

101

Америки, политическая история которых сводится к постоянному круговороту революционных изменений, где одна олигархия силой сменяет другую.

Конечно, утверждение, что чистый принцип демократии никогда не может быть осуществлен, должно быть ослаблено замечанием, что и другие государственные формы никогда не осуществляются в чистом виде. Когда сейчас сторонники демократии разбирают ее недостатки, они указывают, что эти же или какие-нибудь другие недостатки свойственны и другим формам. Человеческая природа остается одинаковой во всех формах, и те же недостатки ума и характера людей, та же слабость их воли обнаруживается равным образом во всех видах человеческого общения. Так рассуждает например, Гирншоу¹). Это рассуждение совершенно справедливо, но оно именно и вводит демократию в ряд других форм, снимая с нее ту печать совершенства и законченности, которую ей хотели придать ее первые провозвестники. Демократия имеет некоторые бесспорные преимущества ²), но она имеет и свои неистребимые недостатки, — вот что говорит современная политическая мысль, сменившая религиозное отношение к демократии научным.

Но этого мало. Современная наука должна признать и еще одно очень существенное положение, на котором мы должны теперь остановиться. И там, где демократии существуют уже многие десятки лет, где они проявили способность противостоять величайшим опасностям и обнаружили удивительную доблесть граждан, как это было во времена недавней мировой войны, они переживают сейчас какое-то внутреннее недомогание, испытывают какой-то серьезный кризис. Весьма знаменательно, что автор одного из самых значительных новейших трудов о демократии Гирншоу озаглавил свою книгу характерным обозначением: «Демократия на распутье», а другой, еще более компетентный исследователь Брайс в конце своего труда приходит к выводу, что демократия находится теперь в положении «путника, который, стоя на опушке большого леса, видит пред

собой несколько тропинок, расходящихся при их удалении, и не знает, какая из них выведет его» 3).

Эти заключения чрезвычайно знаменательны. В противоположность политическому оптимизму недавнего прошлого, когда казалось, что демократия есть нечто высшее и окончательное, что стоит только достигнуть ее, и все остальное приложится, теперь приходится признать, что демократия, вообще говоря, есть не путь, а только распутье, не достигнутая цель, а проходной пункт. От правых и левых, от крайних и умеренных, как это имеет место особенно во Франции, мы нередко слышим: нет, это не то, не то. Более спокойные англичане, согласно темпераменту своей расы, не отказываются так легко

1) Hearnshaw, о. с.р. 71. Ср. Bryce, v. II.р. 585.

2) В особенности в книгах Гирншоу и Брайса читатель найдет спокойное научное разъяснение этих преимуществ, на которых здесь нет необходимости останавливаться.

3) Bryce, о. с. V. II. р. 657.

102

от старых симпатий, они скорее присматриваются и вдумываются, чем исходят в страстной критике и ожесточенных нападках. Но взвешивая условия, к которым привела демократия, и оно говорят это распутье, это опушка леса с неизвестно куда расходящимися тропинками. Они надеются, что прямой путь еще не утерян; но в то же время они видят, что уводящие в сторону перекрестные пути таят в себе великие соблазны.

Я думаю, что в этом ощущении и сознании положения, к которому привела современная демократия, как распутья, заключается весьма глубокая интуиция, весьма тонкое восприятие самого существа демократии. Поскольку демократия есть система свободы, есть система политического релятивизма, для которого нет ничего абсолютного, который все готов допустить, – всякую политическую возможность, всякую хозяйственную систему, лишь бы это не нарушало начала свободы, – она и есть всегда распутье; ни один путь тут не заказан, ни одно направление тут не запрещено. Над всей жизнью, над всей мыслью господствует принцип относительности, терпимости, широчайших допущений и признаний.

«Современные общества, – говорит Гюи-Гран, – представляют собою открытые дома, все влияния в них могут вступить между собою в борьбу, все возможности осуществиться» 1). Или, как выражает ту же мысль Гасбах, «демократия есть как бы пустое пространство, в котором могут развиваться самые разнообразные политические стремления, в предположении, что их носители находятся в большинстве» 2). Все это лишь различные формы одной и той же мысли.

Да, демократия всегда есть распутье, есть система релятивизма, система открытых дверей, расходящихся в неведомые стороны дорог. И если в наши дни это чувствуется с такой яркостью и осязательностью, то именно потому, что среди народов, живущих под властью демократии, стали обнаруживаться стремления оставить распутье и выйти на какой-либо твердый путь. Говоря иными словами, система свободы и свободной игры жизненных интересов и сил, система открытых дверей и неопределенных возможностей как бы утомила людей и не удовлетворяет их более. Этого нельзя, конечно, сказать о всех; но что весьма значительные группы в современных демократиях выражают недовольство и жаждут перемен, это – общеизвестный факт.

Своими широчайшими перспективами и возможностями демократия как будто бы вызвала ожидания, которых она не в силах удовлетворить. А своим духом терпимости и приятия всех мнений, всех путей она открыла простор и для таких направлений, которые стремятся ее ниспровергнуть. Она не могла быть иною, ибо в этом ее природа, ее преимущество. Но этой своей природой и этим своим преимуществом она могла удовлетворить лишь некоторых, а не всех. У людей всегда остается потребность продолжать любую действительность

1) GuyGrand, o. c. p. 274.

2) Hasbach, Die moderne Demokratie, 2. Auflage, Jena, 1021, S. 121.

до бесконечности абсолютного идеала, и никаким устройством государства их нельзя удовлетворить.

Демократия обещала быть выражением общей воли, осуществлением равенства и свободы. Но принцип общей воли оказался загадочным и проблематическим 1), а начала равенства и свободы сложными и противоречивыми 2). Поэтому осуществление демократической идеи всегда остается лишь очень приблизительным и неточным.

Брайс, конечно, прав, когда он говорит, что демократия опровергла предсказания не только своих друзей, но и своих врагов. Несомненно, что в области практической, как он на это указывает, демократия достигла весьма значительных успехов. Но ее апостолы, сделавшие из нее свою религию, ожидали от нее необычайных успехов в области моральной, и здесь она оказалась бессильной. Она не сблизила в чувствах братства и дружбы народы, ни людей в пределах отдельных народов. Она не создала общего довольства среди людей, но устранила страх революция. Напротив, именно в последнее время классовая вражда стала серьезной угрозой миру в государствах 3).

И когда Брайс ставит вопрос, может ли демократия смениться другими формами, ответ для него ясен: «это случалось ранее и, сколько бы раз ни случалось, может случиться и вновь». Ведь было же так в истории, что народы, которые знали и ценили политическую свободу, отказались от нее, не очень о ней жалели и забыли о ней 4). И если разобрать, какое из благ демократического государства сейчас подвергается сомнению и находится в опасности, то придется сказать, что это и есть именно политическая свобода. Подвергается сомнению и находится в опасности вся эта система широких перспектив и неопределенных возможностей, которая создана демократией. В этом отношении угрозы демократии слышатся одинаково справа и слева.

В свое время Маркс подал пример решительного отрицания идеи свободного государства и осмеял верование «вульгарной демократии», которая видит в демократической республике тысячелетнее царствие и не имеет никакого предчувствия о том, что именно в этой последней государственной форме классовая борьба будет окончательно разыграна. Он отвергал демократию во имя нового порядка, освобожденного от колебаний свободы и поставленного на почву норм твердых и непререкаемых, связей безусловных и всеобщих. Тут очевидно движение от демократического распутья, от духа критики и терпимости, от широты и неопределенности релятивизма к твердому пути социализма, к суровой догме, к абсолютизму рациональной экономической организации. Исходя из иных мотивов, но с точки зрения формальной в том же направлении движется и консервативная

1) Kelsen, о. с., S. 28; Bryce, о. с., v. II, pp. 599–602. В своей книге «Кризис современного правосознания», вышедшей 14 лет назад, я старался это подробно разъяснить

2) См. в той же моей книге развитие этого положения.

3) Bryce, о. с., v. II, pp. 616–617, 583–585.

4) Bryce, *ibid.*, p. 659.

104

мысль, которая также требует большей определенности и авторитетности, большей твердости и святости государственного порядка. В наше время это совпадение критики справа и критики слева особенно замечательно: оно выражается в совершенно одинаковых указаниях, что демократия представляет собою форму исключительно критическую и разрушительную, форму социального атомизма, неспособного к организации 1).

Надо ли прибавлять, что и анархизм, хотя он и критикует демократию с точки зрения ее же собственного принципа свободы, но доведенного до конца, до последнего предела и связанного с идеей беспощадной социальной революции, также ищет большей определенности, большей последовательности. Для него демократия плоха тем, что это все еще государство, что движение свободы останавливается здесь на половине пути, между тем как ему нужна свобода полная и безграничная.

Давно уже Прудон чрезвычайно удачно обозначил конечную цель и социалистических, и анархических стремлений, противопоставленных демократическому и вообще государственному строю, в следующих кратких формулах: «на место политических властей мы ставим экономические силы..., на место политической централизации мы ставим экономическую централизацию». Как правильно указывают современные последователи Прудона, *l'esprit proudhonien* отвергает в корне и до конца *ladémocratierousseauiste*. Вот о каком столкновении принципов идет в наше время речь. Совершенно в том же духе, хотя, по-видимому, не зная этих французских противопоставлений, Брайс утверждает, что главный спор о судьбе демократии сейчас сосредоточивается вокруг вопроса о том, должно ли общество остаться «прежде всего моральным и интеллектуальным

единством для осуществления того, что древние философы называли доброй жизнью», или же оно должно стать «по преимуществу экономическим единством, существующим для целей производства и распределения» 2). Надо признать, что для демократии это спор не на жизнь, а на смерть.

Правда, некоторые из демократических писателей, путая идеи демократии и социализма, полагают, что опор легко разрешить, что демократия политическая, как начало, как первая ступень, должна естественно перейти в демократию социальную. С этой точки зрения современная демократия есть «нечто не готовое, а только начинающееся и становящееся» 3). Но если дать себе отчет в основных принципах

1) Ср. GuyGrand, о. с., р. 260. – Самым замечательным образцом совпадения правых и левых настроений является книга: Ed. Berth, Lesméfaitsdesintellectuels. Paris, 1914. Сейчас Берт увлечен «советской идеей» и снова являет пример своеобразного сочетания правых и левых мотивов. См. его книгу: «LesderniersaspectsduSocialisme». Paris, 1923. Чрезвычайно интересное изложение критики справа см. в книге Thibaudet, LesidéedesCh. Maurras. Paris, 1920, pp. 216–234: La Démocratie.

2) Bryce, о. с., N. II, р. 654.

3) Gradnauer, Sicherung und Ausbau der Demokratie, в сборнике: Steffen. DasProblemderDemokratie. – Здесь проводится та же мысль.

105

демократии и социализма, то необходимо прийти к заключению, что речь идет тут о двух совершенно различных системах мысли и жизни, сближающихся лишь в некоторых внешних признаках и резко расходящихся в их внутреннем существе. Демократия, которая последовательно вступила бы на путь социализма и решила бы заменить политическую централизацию экономической, должна была бы отказаться от некоторых самых существенных своих начал и учреждений. И прежде всего она перестала бы быть системой свободы и, вместе с новой сущностью, должна была бы усвоить и новое наименование. Кельзен был безусловно прав, когда он утверждал, что социализм формально стоит ближе к идеологии теократии, чем к идеологии демократии 1). Устанавливаемое им различие систем политического абсолютизма и политического релятивизма дает здесь чрезвычайно удачный отправной пункт для сравнений.

Взвешивая все признаки и предвестья наших дней, мы должны сказать, что английские и французские писатели правы, когда они полагают, что для демократии наступил час тревоги и смятения. Соблазны, встающие перед нею, тем более велики, что они опираются на ее же собственные широкие обещания и на стихийные движения масс, которые она сама оформила и окрылила. Она вызвала духов, с которыми не может совладать. Что противопоставит она им? Религию человека? Но стихийные стремления масс, преображаясь в учение социализма и анархизма, так же и еще более того опираются на религию человека. Но стихийные стремления масс, преображаясь в учения со- [так в тексте – ред. электр. издания] призрачной и бессильной и повторить горькие сетования неудачного заклинателя духов:

Ach! ich merk' es, wehe, wehe!
Hab' ich doch das Wort vergessen!

Более опытные и мудрые, конечно, настоящее слово помнят. Они знают, что демократия, как и всякая другая форма государства, сильна только тогда, когда над ней стоит справедливость, когда народ не забыл, что в мире есть Высшая Воля, пред которой народная воля должна преклониться. Они знают, что будущее демократии, как и всякой другой формы, зависит от будущности религии 2).

Но для многих ли демократий понятны эти мысли и слова? Я беру недавнюю, можно сказать, самую последнюю французскую книгу о демократии: Guy-Grand, *La Democratie et l'après guerre*. Книга начинается с обычных рассуждений о видах демократии на будущее, об эволюции демократии, а кончается подлинным криком сердца: «Несмотря на официальные провозглашения, демократия не осуществлена», – или: «Мы живем в трагический час, когда открытия человеческого гения борются между собою и друг друга уничтожают» 3).

1) Kelsen, *Sozialismus und Staat*. Leipzig. 1920, S. 125

2) Hearnshaw, о. с., pp. 397–398; Bryce, о.с. v. II, pp. 666–667.

3) Guy-Grand, о. с. pp. 274–275.

Гюи-Гран знает, что нужна какая-то высшая духовная сила, которая могла бы спасти демократию от переживаемого ею кризиса, и вместе с тем такой силы не находит. «Великому усилию XIX века не удалось создать чисто научную политику, и абсолютный рационализм имеет столь же мало шансов стать новой религией, как и позитивизм. Мы живем в относительном, в критике и в сомнении. Напрасно было бы отрицать эту атмосферу или желать ее совершенно устранить» 1). Вспоминая слова Паскаля о человеке: «мыслящий тростник», Гюи-Гран высказывает предположение, что, может быть, это качество человека заключает в себе и постоянную возможность кризисов, тем большую, чем более человек размышляет 2). В таком случае оставалось бы только смириться и ожидать впереди все больших осложнений. Но тогда зачем же тоска и жалобы на трагический час? Невольно вспоминаются тут слова русского поэта:

Не плоть, а дух растлился в наши дни,

И человек отчаянно тоскует;

Он к свету реется из ночной тени.

И, свет обретши, ропщет и бунтует.

Безверием палим и иссушен,

Невыносимое томительно выносит?

И сознает свою погибель он

И жаждет веры... но о ней не просит.

1) Ibid., p. 242.

2) Ibid., p. 259.